

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIII

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
(История, этнография, культура)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

Р. Ф. Итс

**ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ
ЛЯНШАНЬСКИХ И (ИЦЗУ)
(некоторые дополнительные данные)**

В докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Москва, 1964 г.) [1], в разделе «Ицзу» тома «Народы Восточной Азии» [2] и в совместной с А. Г. Яковлевым статье «К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народности и» [3] автором уже излагались материалы, характеризующие своеобразное социальное устройство ицзу.

Однако, учитывая существенные специфические черты кастово-классовой системы ицзу, сохранение у них пережитков не только доклассовой, но и рабовладельческой формации, данные о которых могут пролить свет на ранние этапы социальной и этнической истории мира, видимо, представляется целесообразным привести некоторые дополнительные, более конкретные сведения (деревня, домохозяйство). Хотя из опубликованных статей и материалов известны и физико-географическая среда обитания ляншаньской группы, и ее основные занятия, равно как и ведущие формы социальных отношений, при введении в научный оборот новых сведений в ряде случаев придется допустить повторение некоторых общих положений.

Обстоятельное знакомство с многочисленными публикациями в США и Европе за последние годы показало, что материал об ицзу в них чаще всего не оригинален и по преимуществу относится к равнинным группам этого народа. Недоступность горного района Ляншань, а также трагическая судьба осмелившихся проникнуть в него¹ рождали самые фантастические представления о жизни горных ицзу в прошлом и мало что изменили в оценках современной западной синологии. Поэтому описания реального положения как равнинных, так и горных ицзу — целиком заслуга китайских исследователей.

Английский журналист Алан Уиннингтон получил возможность побывать у горных ицзу района Сяоляншань. Его публицистические записки сыграли существенную роль в раскрытии «тайн» этого народа [5]. Но перед ним стояла совсем иная

цель: показать, как совершался процесс преобразования архаических общественных условий у малых народностей КНР, а не собрать обширные экономические, социальные и этнические сведения. Существенно еще и то обстоятельство, что А. Уиннигтону не удалось попасть в центр горных ицзу — район Ляншань в сычуаньских отрогах Даляншаня.

В Даляншань, насколько это известно, не ступала еще нога ни одного европейца. А ведь именно даляншаньские ицзу представляют особый научный интерес как по численности населения, так и по характеру их общественных отношений (их большей консервативности по сравнению с другими малыми народностями Китая).

Работа китайских ученых по сбору материала о ляншаньских ицзу, стремящихся успеть точно зафиксировать общество, сохранившее почти без изменений свой архаичный характер на протяжении многих веков, была делом не простым. Достаточно напомнить, что ицзу горных районов еще в 1948—1949 гг. совершали набеги на долины и угоняли их жителей сотнями и тысячами в рабство [5, с. 37].

Горный хребет Даляншань, являющийся частью системы хребтов, называемой Сычуаньскими Альпами, проходит через юго-запад провинции Сычуань. Некоторые его вершины значительно превышают 3000 м над уровнем моря. Параллельно ему проходит горный хребет Сяоляншань, южная часть которого расположена в провинции Юньнань. Район обоих хребтов между реками Дадухэ и Цзиньшацзян провинции Сычуань называется Ляншань. Здесь расположен Ляншаньский автономный округ народа ицзу провинции Сычуань. Это основной район наиболее компактного расселения данной национальности [10, с. 2].

Непроходимые горы, суровый ландшафт способствовали обособленности ицзу Ляншаня как от китайцев, так и от своих равнинных групп, что, в свою очередь, привело к сохранению у них в течение длительного времени низкого уровня ведения хозяйства и архаической социальной структуры. Этой структуре соответствовало, как было выяснено, кастово-сословное и классовое расслоение общества ицзу горного района Ляншань.

Здесь необходимо отметить, что до детального изучения общественной структуры ляншаньских ицзу обычным для многих авторов, пытавшихся описать эту народность, было замечание о разделении ицзу на два класса (?) — черных ицзу (чернокостных), или «собственно ицзу», и белых ицзу (белокостных), или «вацза» («подневольный, зависимый, раб»). Разделение на черных (господ, аристократов) и белых (простолюдинов, рабов) ицзу имело длительную литературную традицию и восходило к описаниям южных племен в знаменитых китайских этногеографических сведениях по провинциям («тунчжи»). Такое деление было не совсем точным (см. подробнее [1; 3]). И если название «черные ицзу» как-то восходило к самоназванию этой народно-

сти (носу), то название «белые ицзу» скорее всего было дано ранними китайскими авторами по принципу противоположности. О делении на черных и белых ицзу сообщали Ним Уэлс [12, с. 156—157], И Цюнь [7, с. 36], Линь Яохуа [8, с. 47, 60—61] и многие другие авторы. Новые материалы об ицзу дали возможность точнее определить социальное значение этих традиционных противопоставлений черным и белым ицзу, но, к сожалению, были упущены существенные факты этнической истории белых ицзу. Так, в связи с характеристикой белых ицзу Н. Уэлс писала: «Один из этих студентов лоло был, вероятно, чистокровным аборигенным лолоским типом. Он был около 6 футов ростом, худой и очень светлый, имел ярко-голубые глаза и длинное с острыми чертами лицо. Большинство других были кареглазыми и являли собой помесь с потомками китайских рабов, которые были захвачены лоло и которых называли „белая кость“» [12, с. 156]. В 1947 г. Линь Яохуа писал: «Белые ицзу в большинстве своем китайские рабы, живущие в районах ицзу столь долго, что сами не знают своих предков и считают себя людьми ицзу» [8, с. 60—61]. Такие же данные приводит А. Уиннингтон об ицзу Сяоляншаня [5, с. 59]. Несомненно, эти замечания важны для раскрытия процесса сложения современного этнического облика ицзу. Они также объясняют гипотезу о патриархальном характере рабовладельческого строя в Ляншане, которая была высказана при анализе общества горных ицзу. Обследование по шести уездам Ляншаня, как об этом сказано автором в совместной с А. Г. Яковлевым статье, показало характер разделения общества на четыре касты²: черных ицзу (носу), цюйно, ацзя и сяси.

В рассматриваемом районе черные ицзу, или носу,— высшая каста, хотя их численность в среднем равна 7% общей численности населения Ляншаня, причем самый большой процент (10,8) и самый низкий (0,9) — в селениях приграничного уезда Лэйбо. В своем меньшинстве высшая каста обладала всей полнотой власти, которая определялась обычным правом, выраженным и в нормах касты, и в правах и обязанностях членов своеобразной постродовой организации цоси [3, с. 102—106]. Эндогамия касты была наиболее строгой у носу. Тот факт, что первоначально тусы, или туму, назначались императорским Китаем из числа родовой верхушки, т. е. носу, а затем (прежде всего в приграничных районах) из китайцев, привел к некоторому обособлению тусы (туму) от остальных носу. Это обособление распространилось и на брачные нормы. Тусы предпочитали заключать браки с семьями тусы, или туму, из других селений, что способствовало падению влияния тусы и даже исключению их из высшей касты.

И если по обычному праву ляншаньских ицзу самым серьезным наказанием подвергалось лицо, нарушившее кастовые запреты, то наиболее строгими они были по отношению к лицам

из высшей касты; это поддерживало «чистоту» и «элитность» касты носу. Кастовые законы особенно подчеркивали брачные отношения: «Носу и цюйно не могут вступать в брак»; «Цюйно и ацзя (мэнчжу) не могут вступать в брак». Эти правила в более грубой форме выразила следующая поговорка: «Юноша носу, вступивший в брак с девицей из цюйно, подобен белому (священному) псу, гадающему на дороге».

Как во всяком классовом обществе любое социальное явление носит классовый характер, отвечает интересам какого-то класса, так, очевидно, существование кастово-сословной иерархии у ляншаньских ицзу также должно было отвечать интересам определенного класса. Не касаясь здесь специально вопроса о классовом делении общества ляншаньских ицзу (см. подробнее [3, с. 89—99]), следует, однако, обратить внимание на следующие обстоятельства.

Кастово-сословная иерархия была в интересах носу, которые представляли ядро этой народности и считались «собственно ицзу», противостоящими инациональному в своей основе большинству. Видимо, когда новые исторические условия нарушили традиции родо-племенных связей или ослабили их и создали тем самым угрозу этнической ассимиляции, тогда господствующая этническая группа ицзу прежнюю племенную замкнутость подкрепила кастовыми перегородками. Прежняя племенная эндогамия стала кастовой эндогамией, строгое соблюдение которой ради «чистоты» носителей культуры ицзу было обязательно в высшей касте, совпадающей по своему составу с господствующей этнической группой. Зависимость представителей иных каст внутри их и по отношению к другим кастам была различной.

Из общей характеристики каст вытекало, что касты и классы у ицзу не всегда совпадали. Чтобы яснее представить всю сложность переплетения кастовых и классовых отношений, воспользуемся данными по селению Ланьбо уезда Чжаоцзюэ [9, с. 10]. В 17 хозяйствах носу (74 человека) — все рабовладельцы; в 198 хозяйствах цюйно (866 человек) — 277 рабов (65 хозяйств), 575 крестьян (129 хозяйств; А. Уиннингтон предлагает называть их крепостными вилланами), 14 рабовладельцев (4 хозяйства); в 185 хозяйствах ацзя (778 человек) — 571 раб (130 хозяйств), 207 крестьян (55 хозяйств); сяси — 130 человек, все рабы. Эти данные позволяют продолжить мысль, высказанную выше. Сохранение кастового строя могло отвечать только интересам собственно ицзу, носу, и было препятствием для появляющейся аристократии из других каст, и прежде всего цюйно. Иными словами, кастовый строй отвечал интересам не всего класса рабовладельцев, а только его замкнутой сословной элиты. Он давал возможность носу, составляющим ничтожное меньшинство населения, сохранять господствующее положение в обществе.

Интересно отметить одну важную деталь: в поселениях, где преобладали цоси носу, численность хозяйств ацзя нередко превышала половину всех хозяйств и даже достигала 80%. Происходило это потому, что здесь носу обладали большим могуществом и могли держать в повиновении большое количество ацзя. Существенно также и то, что ацзя, как правило, принадлежали не одному хозяину, а нескольким из одной или даже разных каст. В одном из селений волости Цзело 26 хозяйств ацзя принадлежали нескольким хозяйствам носу. То же самое было и с сяси. Собственность на лично зависимых производителей ценностей была в какой-то мере общей, что характерно для отсталых форм рабовладельческого строя (отголосок прошлой патриархальной эпохи).

Это касалось и земельной собственности. Формально вся земля и все пашни в Ляншане считались собственностью носу, однако фактически большая часть земельных угодий находилась в руках цюйно, численность которых также была значительной. Правда, если говорить о количестве земли в руках одной семьи, то самыми крупными земельными собственниками были носу. Количество земли, принадлежавшей хозяйствам носу, в 3 и в 32 раза превышало количество земли, принадлежавшей другим кастам. Земля же, которой владели цоси носу, не могла быть никем отчуждена. Ею наделялись только сородичи по крови; представители других цоси, тем более враждебных, не имели прав на эту землю.

Таким образом, в социально-экономическом плане в обществе ляншаньских носу ведущими выступали каста с ее нормами и цоси как функционирующая политико-административная система. Нет сомнений, что сохранение этих институтов, берущих свое начало в доклассовой эпохе и приведших к формированию своеобразной структуры общества ицзу, обуславливалось низким уровнем хозяйственного развития и производственных отношений в Ляншане.

Чтобы достаточно ясно представить реальную ситуацию в Ляншане, обратимся к конкретным данным, собранным по селениям двух основных уездов (Пусюн и Чжаоцзюэ) этого района [6, с. 14—35, 70—85].

Начнем с уезда Пусюн. В волости Лэцинди этого уезда было обследовано пять селений. Общее число домохозяйств в этих селениях 207, а населения 762 человека, что составляет одну третью часть всех хозяйств и населения волости (600 хозяйств, 2409 человек).

Экономическое положение черных ицзу (носу). Носу в этих селениях (36 человек) образуют 12 хозяйств — 4,7% всего населения обследованных селений, которые владеют 440,4 ши (ши = 120 кг)³ пахотной земли, что составляет 22,4% всей пашни пяти селений, но если учесть, что 433,6 ши (или 22,1%) из оставшейся части пашни принадлежит носу других селений (эту

землю они сдают в аренду местным ваца), то окажется, что 44,5% всей пахотной земли владеют носу. Кроме того, носу рассматриваемых селений имеют еще на стороне 72 ши пашни и 83 ши земли за пределами своего поселения, которые они сдают в аренду. Таким образом, всего у носу этих селений — 595,4 ши земли, т. е. на душу населения здесь приходится по 16,5 ши, что в 7 раз превышает средний подушный надел.

Все 12 хозяйств носу владеют 42 сяси, т. е. 61,8% всех сяси данных селений. Им же принадлежат на положении ваца 25 хозяйств ацзя, т. е. 89,3% всех ваца ацзя и 85 хозяйств цюйно, т. е. все 100% хозяйств цюйно.

12 хозяйств носу имеют 15 голов тяглогового скота (12,7% всего тяглогового поголовья), т. е. на каждое хозяйство приходится по 1,2 головы, что в два раза превышает среднюю цифру в селениях. Им же принадлежит 128,5 единицы сельскохозяйственного инвентаря (плуги, бороны и другие орудия), что составляет около 11% обеспеченности инвентарем населения в этих селениях. Столь незначительное число скота и сельскохозяйственного инвентаря объясняется тем, что носу преимущественно сдают землю в аренду ацзя и цюйно, а с помощью сяси или других ваца обрабатывают небольшую ее часть.

Так, семья Муцзимугу имеет 138,8 ши земли, 7 сяси, 6 хозяйств ацзя и 15 хозяйств цюйно на положении ваца, 6 голов скота и 12 единиц инвентаря. С помощью сяси они обрабатывают только 33,3 ши земли, а 105,5 ши сдают в аренду. В семье же Муцзиада земли всего 25,8 ши, 4 сяси, 15 хозяйств цюйно, одна голова тяглогового скота и 8 единиц инвентаря. Самостоятельно они обрабатывают 15,3 ши (т. е. используют труд ваца), а 10,5 ши сдают в аренду. В семье Муцзисогэ 22,6 ши земли, обрабатываемой ваца, — одним сяси и двумя хозяйствами ацзя. Они не имеют тяглогового скота, и у них только 11 единиц сельскохозяйственного инвентаря.

Такая ситуация определяется не только сложностью реального экономического положения черных ицзу, но и имущественным расслоением внутри носу, когда три семьи, владея 387,8 ши земли, сдают в аренду свыше 80% ее, а девять других семей, имея 207,6 ши земли, сдают в аренду только 24,3% ее.

Указанная семья носу Муцзимугу от сданных в аренду 105,5 ши получает в виде арендной платы 65 ши зерна, а за счет труда ваца она получает 16,8 ши. Последнее складывается из следующих соотношений трудовой повинности и норм прибавочного продукта: 6 хозяйств ацзя должны проработать в году на поле хозяев 30 дней и дать 1,65 ши продукции, из которой 1,35 ши — прибавочная; 15 хозяйств цюйно должны отработать 45 дней и произвести продукции 2,48 ши, причем 2,03 ши — прибавочная; семь сяси обязаны произвести 29,17 ши продукции, из которой 15,75 ши идет на их потребление, а 13,42 ши — прибавочная. Таким образом, с участка земли в

33,3 ши, который обрабатывают вацца, семья Муцзимугу получает 16,8 ши, что даже ниже размера арендной платы. В целом у Муцзимугу от сданной в аренду земли доход составляет 79,4%, от труда сяси — 16,4%, ацзя — 16% и цюйно — 2,5%.

Экономическое положение цюйно. Представление об экономическом положении цюйно дают следующие цифры: в пяти обследованных селениях 120 хозяйств цюйно (500 человек — 65,6% всего населения) владеют 869,9 ши земли; за пределами родных селений им принадлежит 88 ши земли, которую они сдают в аренду. Следовательно, цюйно имеют 48,8% всей пахотной земли, принадлежащей хозяйствам селений. На душу у них приходится 1,8 ши, что в 8 раз меньше, чем у носу. Земли, принадлежащие цюйно, в основном обрабатываются ими сами; в аренду они сдают только 121,7 ши, или 12,7% всех площадей. Значительная часть цюйно, испытывая земельный голод, вынуждена арендовать землю (520,5 ши, или 54,4% всей обрабатываемой ими земли).

Цюйно владеют 26 сяси (38,2% всех сяси этих селений), т. е. на каждое хозяйство, имеющее своих вацца (22—18% всех хозяйств цюйно), приходится по 1,7 сяси; 22 хозяйства цюйно имеют в качестве вацца два хозяйства ацзя.

В хозяйствах цюйно 85,75 голов крупного рогатого скота (71,4% всего количества тяглового скота) и 795,5 единицы сельскохозяйственного инвентаря (68% всех орудий труда в селениях). Две семьи цюйно (13 человек) по их социальному положению могут быть определены как рабовладельцы; 85 хозяйств (363 человека) могут быть отнесены к крестьянам-собственникам и 124 человека (33 хозяйства) находятся на положении полурабов (социальная терминология предложена китайскими исследователями [6, с. 19]). Различия между двумя последними категориями значительны. Так, у крестьян-собственников на душу приходится 1,9 ши, а у полурабов — 0,4 ши земли. У отнесенных к рабовладельцам двух семей цюйно на душу приходится 10,1 ши земли; они владеют семью сяси и одной семьей ацзя.

Экономическое положение ацзя. Во всех пяти селениях у ацзя 41 хозяйство (169 человек — 22,2% всего населения). Все ацзя — бывшие сяси, которым было разрешено обзавестись семьей. Напомним, что потомство ацзя всегда входит в касту сяси и семейные ацзя — своеобразный источник пополнения низшей касты [3, с. 86—87], а их земли в большинстве случаев — «подарок» хозяина.

Ацзя владеют 120,9 ши земли (6,2% всей земли селений), т. е. на каждого ацзя приходится 0,7 ши, или около 70 кг зерна. Чтобы прокормить себя и свою семью, ацзя вынуждены арендовать землю, но ее крайне мало, так как первыми арендаторами являются цюйно. Ацзя обрабатывают всю землю сами, имеют

18 голов скота (по 0,4 головы на хозяйство, что близко к средней норме — 0,57 головы) и 228 единиц сельскохозяйственного инвентаря, или 20% общего числа орудий труда в селениях.

Китайские исследователи выделяли среди ацзя небольшую группу крестьян-собственников, а остальных относили к полурабам [6, с. 25]. К крестьянам относили 9 хозяйств (35 человек), или 20,7% всех ацзя. Эти семьи имели 68,7 ши земли (1,9 ши на душу), а это более чем в 2 раза превышает количество земли других ацзя. К полурабам были отнесены 32 семьи (134 человека — 79,3% всех ацзя); они имели 52,2 ши земли (0,4 ши на человека, или около 40 кг зерна).

Форма эксплуатации ацзя: насильственная аренда (принудительная форма сдачи земли в аренду под 80—90% урожая) и трудовая повинность. Ацзя как «арендаторы» должны были обрабатывать 131,2 ши земли носу или цюйно (у цюйно было всего два хозяйства ацзя) и 31,59 ши их же земли обработать на основе трудовой повинности. Из 41 хозяйства ацзя 5 были полностью освобождены от трудовой повинности; 6 хозяйств должны были отработать 750 дней в году, из них 330 на сельскохозяйственных работах, а остальное время по дому или иным нуждам господина; 30 хозяйств должны были отработать 372 дня, причем в основном на сельскохозяйственных работах.

У ацзя этих селений, как и во всем Ляншане, было две группы (такое же деление было и у сяси). Одна группа называлась «носо», что в переводе с языка ицзу означало: «представитель белых ицзу, бывший некогда китайцем, но полностью утративший свою прежнюю этническую принадлежность и ставший ицзу». Другая группа называлась «ханься» — «китаец, еще не ставший ицзу».

Это историческое различие в формировании ацзя и сяси определяло многоступенчатость системы вацза как в обследованных селениях, так и вообще в Ляншане. Так, цюйно составляли первый слой вацза у носу; носу владели ацзя, как вацза, и это был второй слой зависимых; цюйно владели, как вацза, группой ацзя, «ханься», — третий слой; носу (черные ицзу) владели сяси обеих групп, и «носо» и «ханься» — четвертый слой; и цюйно владели сяси группы «ханься» — пятый слой вацза. В прошлом, когда в районах расселения ицзу существовала система тусы, то сами черные ицзу были вацза у тусы, тогда в ляншаньской системе вацза выделялось шесть слоев [6, с. 26].

Институт вацза в характеристике общественного устройства ицзу играет особую роль, его функционирование еще должно быть исследовано специально, но несомненным является то, что именно этот институт сохранял традиции рабовладельческой эпохи. В приведенной выше картине соподчиненности необходимо подчеркнуть то, что теми вацза, которыми распоряжались цюйно, не могли распоряжаться черные ицзу (носу) и что цюйно не могли иметь в своем подчинении ни ацзя, ни сяси из груп-

пы «носо». Сказанное было важным моментом в определении характера взаимоотношений двух первых каст Ляншаня.

Экономическое положение сяси. Во всех пяти селениях есть семейные и одинокие сяси. Всего хозяйств сяси — 34 (57 человек — 7,4% населения). У сяси — 9,5 ши земли, «подаренной» хозяином (0,5% всей пашни селений). Выделение хозяйств сяси условное, так как они продолжали жить в хозяйском доме, не имея собственного имущества. Их положение соответствовало положению рабов. Их жизнью и свободой распоряжался хозяин. Каста сяси пополнялась за счет пленных китайцев (захваченных в приграничных селениях китайских крестьян) и детей ацзя. Из 57 сяси в рассматриваемых селениях 29 человек (50,9% всех сяси) были китайцы, захваченные в набегах; 22 человека (38,5%) — дети ацзя и 6 человек (10,5%) — обедневшие и ставшие долговыми рабами цюйно.

Как уже говорилось, в пяти обледованных селениях уезда Пусюн земля давала 1962 ши зерна; из них трудом носу было получено 14,88 ши, т. е. 0,8% урожая; трудом цюйно — 1227,4 ши, или 62,5%; трудом ацзя — 406,5 ши, или 20,7%, и трудом сяси — 313,2 ши, или 15,9% [6, с. 30]. Высшая каста — носу, практически не участвовавшая в производстве, владела наибольшей долей богатств, созданных другими кастами — их вацза.

Приведенные материалы по пяти селениям уезда Пусюн интересно сравнить с данными по трем селениям волости Чжухэ уезда Чжаоцзюэ [6, с. 70—85].

В волости Чжухэ всего 13 селений, 1046 хозяйств, три из которых являются китайскими, остальные — ицзу. В трех обледованных селениях — 246 хозяйств (934 человека — все ицзу).

Экономическое положение черных ицзу (носу). В трех селениях 111 хозяйств носу (59 человек — 4,6% всего населения). Им принадлежит 3294,2 доу⁴ земли (10 доу = 1 ши, 1 доу = 12 кг) — 11,6% всей земли селений. На душу у носу приходится 75 доу, что в 3,6 раза превышает среднюю цифру в селениях (16,2 доу). 12 491,3 доу земли (44,2% всей площади данных селений) принадлежит носу, живущим вне этих селений. Таким образом, носу принадлежит 55,8% всей пахотной земли.

Среди 11 хозяйств черных ицзу только два не имеют в числе вацза ни сяси, ни ацзя, но имеют цюйно. У остальных девяти семей — 17,5 сяси (одним сяси семья владеет совместно с носу, живущими за пределами данного селения), что составляет 42,9% всех сяси, 18 хозяйств ацзя (65,4% всех ацзя). Все 11 хозяйств носу имеют в качестве вацза все 113,5 хозяйства цюйно (одно хозяйство цюйно находится в общем владении с носу из другого селения). Таким образом, на каждое хозяйство носу приходится 10,3 хозяйства цюйно, а еще на 9 хозяйств — два хозяйства ацзя и два сяси, которыми они владеют сообща.

Китайские исследователи [6, с. 71—72] из 11 хозяйств носу в особую группу выделили два хозяйства крестьян (10 человек),

которые все вместе владеют небольшой земельной собственностью (126 доу на душу — меньше среднего показателя по селениям), не имеют ни сяси, ни ацзя. Хотя эти два хозяйства носу имели три семьи цюино в вацза, но эксплуатировали их умеренно, обязывая работать на своих полях 10 дней в году. Труд цюино давал им 3,6% их общего дохода. Не вдаваясь в оценку справедливости использования только экономических факторов для общей характеристики положения этих двух семей, которые все же были включены в систему вацза, важно подчеркнуть имущественное расслоение внутри высшей касты.

Остальные девять хозяйств носу владели 3168,2 доу земли, причем отдавали в аренду 1972 доу (62,3%). Если мы приплюсуем 12 491,3 доу земли, сданной в аренду внешними носу, то получим, что из всей пахотной земли селений в 15 659,5 доу в аренду сдано 14 463,3 доу, или свыше 90%. У девяти хозяйств местных носу на душу приходилось 96 доу, что в 5 раз выше среднего подушного надела в этих селениях.

От общего количества земли, отданного в аренду, носу получали 980 доу в виде арендной платы (арендная плата ниже, чем у носу уезда Пусюн). Остальная земля обрабатывалась вацза — цюино, ацзя и сяси. Носу, эксплуатируя своих вацза, получали от сяси 353 доу, от ацзя — 180 доу и от цюино — 155,6 доу прибавочной продукции. Таким образом, общий доход девяти семей носу в размере 1668,6 доу складывался из: арендной платы — 58%, эксплуатации сяси — 21,1% и эксплуатации ацзя и цюино — 20,1%. Этот доход составлял 76% среднегодового урожая, получаемого с земель носу; остальные 24% шли на удовлетворение минимальных потребностей всех вацза.

Экономическое положение цюино. В трех селениях — 150 хозяйств цюино (623 человека — 66,7% всего населения). Владеют землей, дающей 10 781,8 доу зерна (38,1% всех площадей). На душу приходится 17,3 доу (при среднем показателе 16,2 доу). Внешние цюино имеют также 657,1 доу земли в этих селениях (2,3%), и, таким образом, в трех селениях касте цюино принадлежит 40,4% земли.

Из 150 семей-хозяйств только три сдают землю в аренду — 256,8 доу (2,4% всей площади); 15 семей не арендуют землю, обходясь собственной, а 135 семей арендуют 10 720,7 доу (99% их собственных землевладений).

Из 150 семей 26 (17,3%) имеют вацза: 23,25 сяси (один сяси — собственность четырех семей, из них только одна местная, а три другие — пришлые), т. е. 57,1% всех сяси; 9,5 хозяйства ацзя — 34,6% всех ацзя.

Социальный состав касты цюино крайне неоднородный. 4 семьи (26 человек) можно причислить к рабовладельцам. У них на душу приходится 64,3 доу, что в 2,7 раза превышает среднюю норму; они владеют 9,5 сяси и 2 хозяйствами ацзя, а также 1671 доу земли; из них 232,8 доу сдают в аренду, по-

лучая в виде арендной платы 149,5 доу; оставшиеся 1438,2 доу обрабатывают сами и эксплуатируют вацза. Причем от эксплуатации сяси и ацзя цюйно получают только 268,7 доу, т. е. большая часть (свыше 60%) их дохода — результат трудовых усилий членов семей цюйно. Если же исключить трудовые затраты и рассмотреть только чистую прибыль, то 35% ее формируется за счет арендной платы, 60% — за счет эксплуатации сяси и 5% — за счет эксплуатации ацзя. Такое положение отличается от сходных соотношений у рабовладельцев — черных ицу.

78 семей цюйно (325 человек, или 52,16% всех цюйно) имеют 7322,4 доу земли, т. е. на душу приходится 22,5 доу, что превышает средний надел. По социальному делению, предложенному китайскими учеными [6, с. 73], эти семьи причислены к крестьянам-труженикам. Они сдают в аренду 24 доу, а сами арендуют 4688,8 доу, т. е. свыше 60% обрабатываемой ими земли. 22 семьи из этой группы владеют 13,75 сяси и 7,5 хозяйства ацзя, у которых трудовая повинность — 413 дней.

68 хозяйств цюйно [272 человека — 43,66% всех цюйно) отнесены к категории полурабов. Эти хозяйства владеют 1788,4 доу, земли, т. е. на каждого приходится 6,5 доу (30% среднего надела). Они арендуют 6031,9 доу, что в 3 раза превышает площадь их собственных земель. Ясно, что у этой группы главный источник существования — аренда земли у носу.

Экономическое положение ацзя. В трех селениях 49 хозяйств ацзя (199 человек, или 21,3% всего населения). Владеют 1019,6 доу земли, т. е. на душу приходится всего 5,1 доу. Как и последняя группа семей цюйно, ацзя могут жить, только арендуя землю. Они арендуют 4239,9 доу, что в 3 раза превышает площадь их собственных земель.

Ацзя эксплуатируются хозяевами — носу или цюйно — через арендную плату (в целом ацзя выплачивают 1375,4 доу урожая) и трудовую повинность (кроме двух семей ацзя, остальные должны отработать у хозяев 887 дней и дать им доход в 399 доу). По социальному положению восемь семей ацзя могут быть причислены к крестьянам-труженикам (на душу 10,3 доу), а остальные — к полурабам (на душу 3,88 доу).

Рассмотрим как пример положение двух семей ацзя. Семья Лэлигэлю может быть причислена к крестьянам-труженикам. В них шесть человек; из них трудоспособных двое и двое полутрудоспособных. Собственный их участок земли всего в 2 доу дает 24 доу зерна. Семья арендует 2 доу и один шэн пахотной (1 шэн = 1,2 кг) и 4 доу целинной земли; получает с них 184 доу урожая. После выплаты арендной платы (88 доу) остается 96 доу, 24 доу они получают с собственного поля, т. е. на нужды семьи приходится 120 доу (20 доу на душу). В 1956 г. семье не хватило на питание 200 цзиней (т. е. 120 кг) зерна. Кроме того, в 1956 г. они должны были месяц работать на хозяина и послать ему полтуши свиньи.

Семья Цюймудисы относится к категории полурабов. Она состоит из четырех человек, из них только двое полутрудоспособных. У этой семьи один шэн пашни, дающий 15 доу урожая. Цюймудисы арендуют 1 доу пашни и 2 доу целины, собирая 68 доу урожая; ровно половину (34 доу) они отдают как арендную плату. Оставшаяся часть урожая и плюс собранное со своего поля составляет 49 доу, т. е. по 12,2 доу на человека. В 1956 г. этой семье не хватило 600 цзиней зерна на питание. В том же году на хозяина они работали 4 дня и послали ему полтуши свиньи.

Как можно видеть, само разделение на крестьян-тружеников (собственников) и полурабов весьма условно. Различия между ними определяются только количеством зерна, остающимся после всех расчетов с хозяевами на пропитание семьи, формы же эксплуатации и тех и других одинаковы. И те и другие не в состоянии прокормить себя и вынуждены все больше и больше увязать в долговой кабале.

Экономическое положение сяси. В трех селениях 62 сяси, что составляет 6,6% населения. У них — 37 доу земли, «подаренной» хозяином (0,2% всей пашни селения); на душу у сяси приходится 0,6 доу зерна. Сяси арендуют 307,6 доу земли (выплачивая арендную плату со 128 доу).

Взрослые сяси — работники в доме хозяина — лишены личной свободы и могут быть определены как типичные рабы. Происхождение этой касты аналогично с сяси уезда Пусюн. Среди 26,5 сяси, которыми владеют 13 рабовладельческих семей обследованных селений (из них 9 носу и 4 цюйно), 11 сяси — потомство ацзя, 10,5 — китайцы, захваченные в набегах, 2 — цюйно, обедневшие и за долги ставшие сяси, 2 — дети, рожденные женщиной сяси; происхождение одного сяси не было установлено.

В целом в волости — 165 сяси; 115 из них — китайского происхождения, т. е. группы «ханься», и 50 — из белых ицзу (т. е. группы «носо»). Из 115 «ханься» 16 человек были первого поколения, 38 — второго, 17 — третьего, 4 — четвертого, 12 — пятого, 11 — шестого и выше, а у 17 сяси не удалось выяснить их происхождение.

Труд сяси давал носу 747,6 доу дохода, а цюйно — 1137,6 доу. В целом в создании богатств трех селений вклад каждой касты был следующим: сяси — 7,9% всего дохода, ацзя — 20,9, цюйно — 70,8 и носу — 0,4%. Здесь та же картина: вкладывая труда меньше всех, носу владеют наибольшим богатством при распределении доходов по хозяйствам.

В трех селениях имелось: 121 голова тяглого скота, 171 плуг и борон, 1059 единиц мелкого инвентаря. Эти средства производства распределены следующим образом: у рабовладельцев — 22,8 головы скота, 10,5 плуга и бороны, 85 единиц мелкого инвентаря; у крестьян-тружеников — 63,5 головы скота, 84 плуга и бороны, 554 единицы мелкого инвентаря; у

полурабов — 34 головы скота, 75 плугов и борон, 409 единиц мелкого инвентаря; у рабов — 0,3 головы скота, 2 плуга, 11 единиц мелкого инвентаря.

Таким образом, полурабы и рабы имеют в собственности (пусть даже в незначительных количествах) средства производства. Такое положение позволяет сомневаться в правильности критериев, избранных китайскими исследователями для выделения социально-классовых групп.

В системе ваца, которая опиралась на кастово-сословную структуру Ляншаня, гораздо больше четкости, так как она предусматривала ясную соподчиненность каст по вертикали от носу к цюно, ацзя и сяси. Именно поэтому характер общественных отношений у ляншаньских ицзу, используя анализ классовых отношений на современном (на уровне 1956 г.) материале, следует рассматривать через кастовую традицию.

Приведенные выше конкретные данные при всех разительных контрастах между высшей и низшими кастами свидетельствуют в целом о низком уровне экономического развития ляншаньских ицзу. Рассмотрим дополнительные факты.

В упомянутой выше семье носу Муцзимугу (уезд Пусюн) годовой доход, измеряемый количеством полученного зерна, составляет в сумме 81,8 ши, т. е. примерно 9816 кг. Учитывая, что в семье Муцзимугу шесть человек, легко вычислить, что на едока в день приходится около 4,4 кг. Как и всюду в Ляншане, зерно выступает как единственное мерило дохода и реально включает в себя другие виды сельскохозяйственной продукции (технические культуры, корма и т. п.), а также и ту часть, которая не подлежит распределению и сохраняется как семенной фонд. К сожалению, у нас нет никакой расшифровки цифры дохода; исходя же из его суммы, можно предполагать, что семья Муцзимугу в условиях натурального хозяйства имеет недостаток, но при развитом внутреннем рынке ее доход не обеспечивает расширения производства.

Еще меньше возможностей у семьи Муцзиада, которая состоит из трех человек, а получает годовой доход в 3 раза меньше семьи Муцзимугу.

В уезде Чжаоцзюэ размеры дохода у носу-рабовладельцев оказываются иными. По девяти хозяйствам носу (49 человек) совокупный годовой доход (включая семенной фонд, фураж, технические культуры) составляет 1668,6 доу, или 20 023 кг, т. е. на едока в день приходится 1,1 кг (т. е. значительно меньше, чем в семье Муцзимугу).

Самым же знаменательным является цифра ежедневного рациона сяси в той же семье Муцзимугу — около 0,8 кг, т. е. немногим меньше, чем на самого носу в семьях уезда Чжаоцзюэ.

В этой именно цифре отразилась сложная ситуация социально-экономического развития ицзу. Выразалась она в очевидной экономической нецелесообразности сохранения института

сяси — как ведущей силы в формировании богатств носу. В экстремальных условиях Ляншаня, где необходимые расходы на содержание сяси требовали значительных затрат по сравнению с получаемой прибылью от эксплуатации их труда, экономическое развитие неизбежно должно было прийти к арендной системе в основном виде производства — земледелии. Переход этот, хотя стадийно и совпадал с феодальными отношениями у соседей — китайцев, не носил характера прямого заимствования, а являлся выражением прежде всего внутренних процессов, свойственных обществу ицзу. По этой причине поиски прямых аналогий в аренде и арендных отношениях у ицзу и китайцев не могут дать успеха для определения общественного устройства в Ляншане. Здесь арендные отношения были тесно связаны с системой вацза и придавали рабовладельческую окраску уже значительно деформированному обществу.

Вернемся к вышеприведенным данным по селениям уездов Пусюн и Чжаоцзюэ. В обоих регионах носу были основными земельными собственниками; кроме того, большой доход они получали от сдачи земель в аренду цюйно и ацзя. Причем сдача в аренду земли производилась носу по системе вацза и в принудительном порядке. Поскольку система вацза была действующей, то любой носу мог распоряжаться доходом и жизнью любого своего вацза, даже из касты цюйно. И это обстоятельство тоже свидетельствовало о пережитке рабовладельческой формации.

В совместной с А. Г. Яковлевым работе была высказана точка зрения о «большей аргументированности выводов сторонников взгляда на ляншаньское общество как рабовладельческое» [3, с. 106]; приведенные дополнительные материалы, как представляется, дают основание считать прежнюю позицию верной.

¹ Например, англичанин Брук, совершавший путь через Сычуань в Индию, был убит в районе Лоло [4, с. 94].

² Хотя в русском переводе книги А. Уиннингтона [5, с. 56], как и вообще в общественно-политической и научной литературе о ляншаньских ицзу, применен термин «каста», необходимо подчеркнуть его условный характер. Индия — классическая страна кастового строя — дает два основных критерия для определения касты: строгую эндогамию и наследование общей профессии. Все общественные группы ицзу придерживались эндогамии, но, учитывая натуральный характер их хозяйства, пока нет оснований говорить о разделении низших социальных групп по профессиональному признаку. Встает вопрос, не являются ли касты ицзу сословиями, т. е. известной формой классовых различий в рабовладельческом и феодальном обществах, когда за каждым сословием закреплялись юридические права и обязанности и сословная принадлежность была наследственной. Однако для полного отождествления общественных групп ицзу с сословиями также нет достаточных оснований. Поэтому употребляется характеристика структуры как кастово-сословная, а термин «каста» применяется с учетом сделанных оговорок.

³ Традиционно в Китае размеры пашни определяются весовыми категориями — цзинь, ши, доу, которые показывают количество зерна, получаемого с поля. Здесь китайскими авторами употреблена та же система.

⁴ Если в предыдущих материалах китайские авторы использовали меру веса ши, то здесь доу. Перевести доу в ши не трудно, но тогда потеряется оригинальность цифр первичной публикации.

1. Итс Р. Ф. К проблеме соотношения классов и государства (по материалам ляншаньских ицзу). М., 1964.
2. Итс Р. Ф. Ицзу.— Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965.
3. Итс Р. Ф., Яковлев А. Г. К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народности и.— Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967.
4. Козлов П. К. Тибет и Далай-лама. Петроград, 1920.
5. Уиннингтон А. Рабы Прохладных гор. М., 1960.
6. Ицзу шэхуй дяоча (Обследование общества ицзу). Пекин, 1957.
7. И Цюнь. Чжунго миньцзу цзяньши (Краткая история народов Китая). Пекин, 1952.
8. Линь Яо-хуа. Ляншань ицзу (Ляншаньские и). Шанхай, 1947.
9. Ляншань ицзу шэхуй цигэ фанмяньды цингуан (Обзор некоторых слоев общества ицзу Ляншаня). Пекин, 1957.
10. Цзи Си-чэнь. Ляншань ицзуды фэйяо (Скачок ляншаньских ицзу). Пекин, 1960.
11. Юйгуань ляншань ицзу шэхуй лишиды жогань цингуан (О некоторых аспектах истории общества ляншаньских ицзу). Пекин, 1957.
12. Waller N. Inside Red China. N. Y., 1939.